

ЛИЯ ЯКОВЛЕВНА ХИНЧИН И Я: СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

О Лии Яковлевне Хинчин уже писали. Писали подробно и коротко, научно обоснованно и по-человечески тепло, ёмко, страстно, колоритно.

Главным биографом Лии Яковлевны является один из её первых ростовских учеников, доктор искусствоведения, профессор Александр Яковлевич Селицкий. В своих обстоятельных, исполненных глубокого психологизма описаниях автор искусно воссоздаёт портрет интереснейшей, неординарной личности (см.: [6; 7]). Поистине исповедальны некоторые высказывания киевских, саратовских, ростовских учеников и коллег Л. Я. [5; 8]. Все эти материалы опубликованы в различных ростовских изданиях.

Есть ещё один автор (его труды не появлялись на страницах ростовских изданий), имеющий прямое отношение к Лии Яковлевне. Это единственный её родной племянник и мой муж Александр Гордон, профессор физики Хайфского университета (Израиль), талантливый русскоязычный публицист, чьи эссе переводятся на другие языки. Не обошёл он вниманием и любимую тётю. Им опубликовано четыре эссе, в которых Л. Я. предстаёт в несколько ином ракурсе, в видении родственника, а не ученика или коллеги [1; 2; 3; 4]. У А. Гордона – своя Лия Яковлевна, Лия, Ляка, родной человек, друг, интересный собеседник и всегдашний оппонент. В своём эссе я расскажу о моих личных отношениях с этой необыкновенной женщиной, отношениях, определивших мою судьбу.

Когда А. М. Цукер предложил мне участвовать в конференции, посвящённой столетию со дня рождения Лии Яковлевны, и самой выбрать тему, я сразу решила, что моё выступление будет мемуарным. В недрах моего письменного стола скопилось немало материалов о Ростовском государственном музыкально-педагогическом институте. Часть из них опубликована в консерваторской прессе, но большинство писалось «в стол», там и хранится. Побывав в 2007 году в Ростове на сорокалети Консерватории, я задумала серию маленьких новелл под названием «Любительские фотографии». Задуманное так и не воплотилось в жизнь, но одну «фотографию» я сейчас извлеку на свет. Повернём рычаг машины времени на сорок семь лет назад, и...

Солнечный луч высвечивал дорожку пыли на крышке рояля. Мы сидели полукругом возле клавиатуры, а один из студентов мучился за роялем: смотрел в ноты, извлекал какие-то звуки, что-то говорил и часто надолго умолкал. Он пытался анализировать «Простые вариации» Мясковского. Чувствовалось, что он худо-бедно знал материал, но его пугало и сковывало зловещее молчание нашего преподавателя Лии Яковлевны Хинчин. Шёл *первый* семинар по советской музыке, мы были на *первом* курсе теоретико-композиторского факультета РГМПИ, институт начал свой *первый*, 1967–1968 учебный год.

– Ну, долго Вы ещё собираетесь молчать? Ждёте, когда тётя-учительница что-нибудь подскажет?

Её голос был низким, громким, вибрирующим. Одну тощую ногу она закинула на другую, вся её невероятно худая фигура как-то скрючилась, ноздри вздрагивали от гнева.

– Вы что ж, товарищи, думаете, что здесь детский сад, школа или даже училище? Вы в вузе, в вузе, слышите? Пора научиться мыслить самостоятельно! Вячеслав, перестаньте тыкаться в ноты, как слепой котёнок, из них всё равно не выскочит баба в русской рубашке. Инна, попробуйте Вы, может быть, мне всё-таки удастся услышать сегодня что-нибудь путное.

Дрожа от страха, я села на место своего предшественника. На нём уже перебивала сегодня добрая половина нашей группы – и всё с тем же «успехом». Я начала что-то говорить, одно предложение, другое, а потом покосилась на НЕЁ. ОНА согласно кивнула. Я продолжала уже увереннее. Постепенно дрожь унялась, стало легче дышать. Я снова взглянула в ЕЁ сторону и чуть не поперхнулась словами от изумления. Большие голубые глаза смотрели на меня одобрительно, на лице появилась слабая улыбка. Между нами протянулся невидимый мостик, наметился контакт, доставивший нам обоим впоследствии много счастливых минут.

Щёлкнул фотоаппарат, отпечаталась фотография: небольшой класс, солнечный луч на крышке рояля, группка «желторотых» первокурсников. ОНА и я смотрим друг на друга: я – с робкой надеждой, ОНА – с чуть наметившимся одобрением...

Этот семинар является выразительнейшим примером той «шоковой педагогики», о которой писали А. Я. Селицкий и А. М. Цукер. Лично я испытала такой шок лишь однажды – на «сфотографированном» выше семинаре. С той поры между Лией Яковлевной и мной установились тёплые, а потом и близкие, *ровные* (!) отношения, продолжавшиеся четыре (!) года вплоть до пятого курса.

А. Я. Селицкий пишет в брошюре-монографии о Л. Я. Хинчин: «Из трёх родов искусства, выведенных в древности Аристотелем – эпос, лирика, драма, – ей бесспорно ближе последний. И не только в искусстве...» [7, с. 5]. С этим нельзя не согласиться, но как истинная ученица Лии Яковлевны я вижу и другой поворот, – мне хочется поговорить о *лирике*. Той самой лирике, которую Л. Я. решительно изгнала из наших музыковедческих работ. Однако лирические струны дрожали в её душе, их робкую мелодию я отчётливо слышала целых четыре года.

– Инночка, пойдёмте к нам, – бывало, говорила мне вечером Лия Яковлевна.

– Зайдём, купим что-нибудь поесть, а то я, кажется, с позавчерашнего вечера ничего не ела.

Мы шли в магазин, покупали продукты, готовили ужин и вместе с мужем Л. Я., заведующим кафедрой сольного пения, профессором Александром Павловичем Здановичем умиротворённо ужинали. Потом я мыла посуду, Лия Яковлевна подметала пол в кухне, и мы усаживались с ней в обнимку на диван смотреть телевизор, а А. П. занимался своими делами или потихоньку дремал. Таких вечеров было много, и это была та самая лирика, которую она так презирала и которая была ей так необходима.

«Душа моя мрачна», – заявляет словами Байрона А. Гордон в одном из своих эссе о Л. Я., имея в виду собственную тётю [2].

– А мне было у неё весело и уютно, – возражаю я, ведь моя наставница всегда поощряла полемику.

Лия Яковлевна и Александр Павлович составляли пару, достойную пера художника. Они очень любили друг друга, но любовь выражалась у них весьма своеобразно. Непрерывающиеся полусмешливые-полусерьёзные сражения сопровождали их повседневно. Л. Я., конечно, всегда атаковала. Её «юмор висельника» (собственное выражение Лии Яковлевны) постоянно сталкивался с добродушными и необычайно меткими островами мужа, как её вопиющая худоба резко контрастировала с его тучностью и большим выпирающим животом.

– Студебеккер! – говорил Александр Павлович, звонко хлопая себя по животу.

– Как ты ко мне сегодня относишься? – спрашивал он жену.

– Так же, как вчера, – грозно отвечала Лия Яковлевна.

А. П. удовлетворённо кивал – именно такого ответа он и ожидал.

Александр Павлович любил делать домашнее вино, считая, что переливать наливку из бутылки в бутылку необходимо для улучшения её качества. Этим он занимался в отсутствие Лии Яковлевны и потом озабоченно говорил мне:

– Давай, деточка, поскорее скроем следы преступления.

Мы всё убирали, подтирали пол, чистили ванну, но Л. Я. уже с порога чуяла, чем он занимался, и сразу делала мужу строгий выговор.

У А. П. были красивые седые волосы. Он их немного подсинивал, чтобы не было желтизны. Бывало, по ошибке он злоупотреблял синькой. Л. Я., конечно, не могла оставить этого без внимания:

– Са, да ты синий петух какой-то! Смой немедленно эту гадость!

– Ля, сейчас всё будет в полном порядке, не волнуйся, я ещё не закончил.

Я обожала эти их перепалки.

Александр Павлович Зданович занимал в моей жизни большое место. Он нежно любил меня, называл своей дорогой деточкой, и это делало их дом для меня ещё более притягательным и родным.

Занятия с Лией Яковлевной проходили у меня в течение четырёх лет с каким-то не свойственным ей спокойствием. Я начала учиться у неё в спецклассе с первого курса. Темы работ, которые она мне предлагала, не очень меня увлекали, я послушно всё выполняла, порой удачно выступала на конференциях, но настоящего музыковедческого рвения не проявляла. Возможно, это как-то охлаждало и её, тем более на фоне таких блестящих учеников, как А. М. Цукер, Е. Г. Шевляков, а потом – А. Я. Селицкий. Эти три ученика стали впоследствии докторами искусствоведения, профессорами Ростовской консерватории. Вот, с ними, особенно с А. Цукером и в меньшей мере с Е. Шевляковым, у неё происходили грандиозные баталии, бурные конфликты на почве научной работы и вне её. А у меня с Лией Яковлевной царил идилия, и это, на мой взгляд, происходило оттого, что личные лирические отношения между нами были в тот период для нас обеих важнее профессиональных интересов. Бытовая лирика вытеснила музыкальную драму и привела к возникновению у Л. Я. матримонильных планов насчёт её любимого племянника и меня.

Жизнь мне лишь радость сулила.

Туча пришла, грозу принесла...

Этими словами Лизы из «Пиковой дамы» П. И. Чайковского можно охарактеризовать новый, драматический период моей жизни в институте, начавшийся на пятом курсе. Буревестником явился племянник Лии Яковлевны Александр Гордон.

Как-то гостя у тёти летом в те времена, когда я была студенткой института, А. Гордон прочитал моё письмо к ней (летом мы всегда переписывались). Письмо ему очень понравилось, и он стал расспрашивать Л. Я. обо мне. Лия Яковлевна тут же решила как можно скорее осуществить задуманное ею: познакомить нас и немедленно поженить.

Перед нами ещё один любительский снимок...

Стояло солнечное, ещё нежаркое утро в Ростове-на-Дону в июне 1971 года. Я пришла к Лии Яковлевне домой, как мне и было велено, к завтраку. Навстречу мне поднялся высокий красивый молодой человек в бордовой футболке.

– Меня зовут Саша, – представился он.

– И меня зовут Саша, – тут же вмешался Александр Павлович. Его добродушная болтовня сразу разрядила обстановку.

После завтрака Л. Я. отослала меня с Сашей гулять по городу. Он рассказывал мне по памяти длинные и интересные самиздатовские статьи, я потрясённо слушала. Он ходил по каким-то нескончаемым книжным магазинам, я послушно тащила за ним, пытаюсь осмыслить услышанное. Когда мы сидели на скамейке в сквере, я изображала Саше его тётю, как делала это каждый год в новогодних капустниках. Он от души хохотал. Гуляя со своим спутником несколько часов, я не заметила, что сильно натёрла себе ногу.

– Как ты посмел натереть ей ногу?! – кричала потом Лия Яковлевна.

Когда мы с Сашей гуляли, он вёл себя со мной приятно и приветливо, но с того момента, как мы возвращались домой, он уходил в другую комнату и читал книгу, не обращая на меня внимания. Лия Яковлевна просто сотрясалась от возмущения, но вслух высказать его при мне не могла. Она гоняла бедного Александра Павловича по всей квартире, чтобы он не мешал моему с Сашей уединению, пока тот, наконец, не пристроился на балконе.

Ложась вечером спать на диван в гостиной, я слышала, как Л. Я. и Саша далеко за полночь шептались на кухне. Это был очень темпераментный и громкий шёпот двух спорящих друг с другом людей, и я понимала, что речь шла обо мне. Лия Яковлевна как будто заставляла пле-

мянника полюбить меня, и мне было до жути не по себе. Впоследствии Саша рассказывал мне, что специально становился в оппозицию к тёте, желая доказать ей свою независимость: он, мол, не станет действовать по её указке. А она выдыхала ему в ухо:

– Женись, чего тут медлить?!..

Я внимательно рассматриваю эту старую милую фотографию. Мы четверо сидим на диване в гостиной. Лия Яковлевна и Александр Павлович по бокам, а мы с Сашей посередине. Мы все улыбаемся, и лица у нас счастливые...

Учась на пятом курсе, я как-то незаметно для себя начала подниматься на третий этаж института по левой лестнице, – с правой часто доносился голос Лии Яковлевны. Не сразу я осознала, что прячусь от неё. Почему? Ведь я её так любила и была её любимой ученицей, это все знали. Потому что её отношение ко мне стало меняться. Я долго уговаривала себя, что это не так, но, в конце концов, вынуждена была признать: она со мной иная, чем раньше,

Как-то я пришла к ней домой с твёрдым намерением объяснить откровенно:

– Я чувствую, Вы чем-то недовольны. Пожалуйста, скажите, что я делаю не так. Я очень хочу, чтобы всё было, как раньше.

– Вы смешны, моя дорогая! Перестаньте выдумывать, в самом деле! Ну, сейчас у Вас ответственный период: Вы пишете дипломную работу. Возникают, и это естественно, некие сложности. Ерунда какая! Всё остаётся, как раньше, чудачка Вы этакая!

Лия Яковлевна расслабилась, заулыбалась, обняла меня и весь вечер была прежней, а я – счастливой. Но этого её настроения хватило ненадолго, и опять я стала с болью ощущать в ней признаки глухой неприязни ко мне. Все её претензии сводились к одному: у меня плохо продвигается дипломная работа, хотя в этом году я старалась больше обычного. Я знала, что работа над дипломом в классе Хинчин – тяжёлая и нервная пора, через это проходили и другие её ученики. И всё же я чувствовала, что со мной у неё было что-то ещё, главное, непоправимое. Этим непоправимым являлся её племянник, мой жених, а к концу пятого курса – муж (мы поженились в марте 1972 года).

– Вам каждый день длиннющие письма строчит, а мне – раз в две недели какую-то паршивую открытку!

Этим всё было сказано. Тяжёлое, неконтролируемое чувство ревности охватило её и уже не отпускало. Лия Яковлевна как будто рассказывала в том, что сосватала меня с Сашей, и готова была повернуть всё вспять. Мне известно, что она критиковала меня, общаясь со своей

сестрой, моей будущей свекровью, и та взволновалась. Но Саша был непреклонен – свадьба состоялась.

То был для меня самый тяжёлый и мрачный учебный год в столь любимом мной институте. Мало кто знал истинное положение вещей. Меня успокаивали: «Закончишь диплом, всё уладится». Но я знала, кожей чуяла – не уладится.

Саша приезжал в Ростов на Новый 1972 год и присутствовал на капустнике, где я уже в который раз изображала Лию Яковлевну, а в роли А. М. Цукера выступал А. Я. Селицкий. Капустник прошёл очень удачно, однако на сей раз Лия Яковлевна не была им так воодушевлена, как обычно. Я прожила несколько дней у неё, пока Саша не уехал. Но как отличалась нынешняя атмосфера в доме от той, которая царила в его первый приезд! Теперь Л. Я. не только не стремилась оставить нас наедине, а напротив, как могла, мешала этому. Лирика исчезла, пришла драма.

В конце учебного года я благополучно завершила и защитила дипломную работу. Моя защита произвела хорошее впечатление на экзаменационную комиссию, Лия Яковлевна и я получали поздравления. Она была довольна, горда и в этот вечер обласкала меня по-старому. Но через пару дней Л. Я. снова нахмурилась. Дипломная работа была закончена, но пропасть, образовавшаяся между нами, оставалась.

Когда я переехала в Киев и начала семейную жизнь, уже давно зревшая во мне крамольная мысль выкристаллизовалась окончательно. Я поняла, что не хочу заниматься научной работой, а хочу быть любящей и любимой женой и матерью. Роль скромного учителя в музыкальной школе меня вполне удовлетворяла (устроиться в музыкальное училище в Киеве было невозможно). Понятно, что такое решение потрясло Лию Яковлевну. Теперь у неё появилось законное основание выражать мне своё бурное негодование. Как?! Её способная ученица, получившая диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру, надумала бросить научную карьеру и погрязнуть в пелёнках и распашонках? Этого Л. Я. принять не

могла. Сегодня, по прошествии многих лет, я понимаю её гораздо лучше, чем тогда, и даже в чём-то соглашаюсь с ней. Лия Яковлевна, защитившая кандидатскую диссертацию в двадцать семь лет, посвятившая всю свою жизнь плодотворному воспитанию музыковедов и вокалистов, была глубоко оскорблена ограниченными мещанскими (так она их воспринимала) интересами своей ученицы. Да, я понимаю Л. Я. сегодня гораздо лучше и даже в чём-то соглашаюсь с ней, но о своём решении я никогда не жалела и не жалею.

Так я рассталась с ней навсегда...

Через двадцать четыре года после окончания института, в 1996 году, я пришла на могилу Лии Яковлевны. Я поклонилась ей и Александру Павловичу с чувством глубокой любви и признательности. Я отказалась от научной музыковедческой карьеры, которую сделали за меня многие её талантливые ученики, но я совершила то, чего никто другой сделать не мог: я продолжила её род.

Я вырастила сына и дочь, её внуков. Они её достойны.

Дух Лии Яковлевны постоянно витает в нашем доме. Александр Павлович в шутку называл родных и некоторых учеников жены Хинчинэсками. Хинчинэски всегда вокруг меня. Много лет с нами жила мать Саши, родная сестра Л. Я., похожая на неё лицом и в чём-то характером. Некоторые речевые обороты нашей дочери до того типичны для Лии Яковлевны, что мы диву даёмся – ведь они никогда не виделись.

Примечательно, что Саша, в молодости ничем не похожий на Л. Я., с годами стал всё больше напоминать свою тётю. В университете он слывёт человеком конфликтным. Ему ничего не стоит посередине какого-нибудь заседания напасть на ректора и вступить с ним в ожесточённую дискуссию (Л. Я. часто сражалась с ректорами). Если он пишет кому-либо полемическое письмо, этот человек потом говорит, что такого удара он никогда не получал.

Мы часто говорим о Лии Яковлевне и пишем о ней, каждый по-своему. Думаю, что последнего слова о ней мы ещё не сказали.

1. *Гордон А.* Безродные космополиты // Мы здесь: Международный журнал (Иерусалим – Нью-Йорк). URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=6948>.
2. *Гордон А.* «Душа моя мрачна...» // Мы здесь: Международный журнал (Иерусалим – Нью-Йорк). URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=4170>.
3. *Гордон А.* Кандидатский экзамен, или Заметки несостоявшегося музыканта // Мы здесь: Международный журнал (Иерусалим – Нью-Йорк). URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=4192>.
4. *Гордон А.* Музыкальный ребёнок // Мы здесь: Международный журнал (Иерусалим – Нью-Йорк). URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=6719>.
5. Памяти ушедших: К 90-летию со дня рождения Л. Я. Хинчин (1914–1988): Статьи, мемуарные очерки // Южно-Российский музыкальный альманах–2004. Ростов н/Д: РГК им. С. В. Рахманинова, 2005. С. 358–390.
6. *Селицкий А.* Лия Яковлевна Хинчин: Жизнь. Личность. Творчество. Ростов н/Д: РГК им. С. В. Рахманинова, 2005. 56 с.
7. *Селицкий А.* Моя Лия Яковлевна (Л. Я. Хинчин) // Музыкальная педагогика в идеях и лицах: сб. ст. Ростов н/Д: РГПИ, 1992. С. 34–42.
8. *Шевляков Е.* От редактора // Памяти учителей: К 80-летию со дня рождения Л. Я. Хинчин. К 70-летию со дня рождения А. Н. Сохора: сб. ст. Ростов н/Д: РГПИ, 1995. С. 3–4.

REFERENCES

1. *Gordon A.* Bezrodnye kosmopolity [Cosmopolitans without Kith or Kin] // My zdes': Mezhdunarodnyi zhurnal (Ierusalim – N'yu-York) [Here We Are: International Magazine (Jerusalem – New York)]. URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=6948>.
2. *Gordon A.* «Dusha moya mrachna...» [«My Soul Is Dark...»] // My zdes': Mezhdunarodnyi zhurnal (Ierusalim – N'yu-York) [Here We Are: International Magazine (Jerusalem – New York)]. URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=4170>.
3. *Gordon A.* Kandidatskiy ekzamen, ili Zаметki nesostoyavshegosya muzykanta [Candidate Examination, or Notes by Un-become Musician] // My zdes': Mezhdunarodnyi zhurnal (Ierusalim – N'yu-York) [Here We Are: International Magazine (Jerusalem – New York)]. URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=4192>.
4. *Gordon A.* Muzykal'nyi rebyonok [Musically Gifted Child] // My zdes': Mezhdunarodnyi zhurnal (Ierusalim – N'yu-York) [Here We Are: International Magazine (Jerusalem – New York)]. URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=6719>.
5. Pamyati ushedshikh: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya L. Ya. Khinchin (1914–1988): Stat'i, memuarnye ocherki [In Memory of the Deceased Colleagues: Towards the 90th Anniversary of Birthday of L. Khinchin (1914–1988): Papers, Memoir Essays]. Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyi al'manakh–2004 [South-Russian Musical Anthology–2004]. Rostov-on-Don: Rostov State S. V. Rachmaninov Conservatoire, 2005. P. 358–390.
6. *Selitskiy A.* Moya Liya Yakovlevna (L. Ya. Khinchin) [My Leah Jakovlevna (L. Khinchin)]. Muzykal'naya pedagogika v ideyakh i litsakh [Musical Pedagogy in Ideas and Persons]: collected articles. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical Institute, 1992. P. 34–42.
7. *Selitskiy A.* Liya Yakovlevna Khinchin: Zhizn'. Lichnost'. Tvorchestvo [Leah Jakovlevna Khinchin. Life. Personality. Creative Works]. Rostov-on-Don: Rostov State S. V. Rachmaninov Conservatoire, 2005. 56 p.
8. *Shevlyakov E.* Ot redaktora [From Editor] // Pamyati uchiteley: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya L. Ya. Khinchin. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya A. N. Sokhora [In Memory of the Tutors: Towards the 80th Anniversary of Birthday of L. Khinchin. Towards the 70th Anniversary of Birthday of A. Sokhor]: collected articles. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical Institute, 1995. P. 3–4.

ЛИЯ ЯКОВЛЕВНА ХИНЧИН И Я:
СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

В мемуарном очерке воссоздаётся живой и выразительный портрет Л. Я. Хинчин на рубеже 1960–1970-х годов. Характеризуются её взаимоотношения с родными и учениками, развивавшиеся подобно «лирическим» или «драматическим» сюжетам. Автор подробно освещает, в частно-

сти, подобную «драматургию» своего общения с Л. Я. Хинчин на протяжении учёбы в Ростовском музыкально-педагогическом институте.

Ключевые слова: Л. Я. Хинчин, А. П. Зданович, А. Гордон, Ростовский музыкально-педагогический институт.

LEAH JAKOVLEVNA KHINCHIN AND I:
FORTY-FIVE YEARS AGO AND TODAY

In memoir essay there is reconstructed lively and expressive portrait of L. Khinchin at the turn of the 1960–1970s. Her relationships with kinsmen and disciples developing like «lyrical» or «dramatic» scenes are characterized. The author thorough-

ly covers, in particular, such «drama» of her own communication with L. Khinchin throughout the study in the Rostov musical-pedagogical institute.

Key words: L. Khinchin, A. Zdanovich, A. Gordon, Rostov musical-pedagogical institute.

Гордон Инна Сергеевна
музыковед
e-mail: algor.goral@gmail.com
Израиль, 31015, Хайфа

